

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.6)«17/1917»
ББК 63.3(235.7)5
Б 37

Р.М. Бегеулов,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, тел.: 89187150782, e-mail: r_begeul@mail.ru

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРЦЕВ С РОССИЕЙ В 1820–1827 гг.

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются военно-политические аспекты взаимоотношений Карачая и Балкарии с российскими властями в период активизации военных действий в регионе Центрального Кавказа, инициированных Главнокомандующим Кавказским корпусом русской армии генералом А.П. Ермоловым. Цель настоящей работы – рассмотреть и проанализировать специфику начального этапа интеграции карачаевцев и балкарцев в состав Российской империи, до сих пор поверхностно освещенного в российской и зарубежной историографии.

Ключевые слова: Карачай, Балкария, Ермолов, русская армия, военные действия, переселение, Кабарда.

R.M. Begeulov,

Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History of the Karachay-Cherkessia State University named after U.D. Aliyev, Karachayevsk, ph .: 89187150782, e-mail: r_begeul@mail.ru

MILITARY AND POLITICAL ASPECTS OF THE INTERACTION OF KARACHAI-BALKARS WITH RUSSIA IN 1820–1827

Abstract. The paper deals with the military and political aspects of the relationship of Karachai and Balkaria with the Russian authorities during the period of intensification of the military actions in the region of the Central Caucasus, initiated by the-Chief of the Caucasian Corps of the Russian Army General A.P. Yermolov. The purpose of this paper is to review and assess the specificity of the initial phase of integration of Karachai and Balkars in the Russian Empire, still poorly covered by now, in the Russian and foreign historiography.

Keywords: Karachai, Balkaria, Yermolov, Russian army, military actions, relocation, Kabarda.

Назначение на должность Глав- А.П. Ермолова привело к значительной активизации военно-политической активности России

на Кавказе. «Ермоловский период» (1816–1827 гг.) в истории кавказского региона оказался не только насыщенным различного рода событиями, но и во многом предопределил основные направления политики имперских властей в регионе, положил начало новому этапу в развитии местных горских социумов, в эволюции их взаимоотношений с Российской империей. «Ермоловское время» открыло новую страницу и в истории карачаево-балкарского этноса. Правда, система взаимоотношений, начавшая выстраиваться между имперскими военно-политическими структурами и правящей элитой Карачая и Балкарии, имела свою специфику, до сих пор мало отраженную в отечественной и зарубежной историографии, что мы и постарались восполнить в данной работе.

Следует отметить, что к 1820-м гг. карачаево-балкарские княжества (Карачай, Баксан (Орусбий), Чегем, Холам, Безенги, Малкар (Балкар) еще сохраняли свою самостоятельность и имели минимальные контакты с российской администрацией и военными структурами, во время эпидемии чумы 1807–1812 гг. практически вообще свернутые. К тому же Карачай и Балкария, отдаленные от возводившейся линии укреплений и поселений, оставались для российского командования еще в статусе *terra incognita* и рассматривались сквозь призму решения «кабардинского вопроса».

Как известно, после военно-политических мероприятий в Чечне и Дагестане новый главнокомандующий российскими войсками на Кавказе Ермолов задумал провести операцию в регионе Центрального Кавказа. Главной целью была Кабарда, с автономным статусом которой предполагалось окончательно покончить и учредить на её территории имперские административно-судебные органы. Естественно, что, планируя военную операцию против Кабарды, командование не могло

не учитывать позицию карачаево-балкарского населения, расселявшегося в высокогорных районах в «тылу» у кабардинцев. Ни для кого не было секретом то, что кабардинцы, исторически занимавшие равнинные и предгорные районы Центрального Кавказа, в случае военной опасности отходили в горы, эвакуируя туда небоеспособное население и имущество. Следовательно, отрезав кабардинцев от гор, лишив их надежного тыла, можно было значительно упростить проведение намеченной военной кампании. В этих условиях позиции так называемых горских обществ (карачаево-балкарских, осетинских и др.) приобретали важное военно-стратегическое значение. Переход их на сторону российского командования неминуемо вел к быстрому политическому и военному краху Кабарды. Еще в 1818 г. Ермолов полагал, что Центр Кавказской линии, «лежащий против кабардинцев, народа некогда весьма сильного, храброго и вообще воинственного», уже не требует «чрезвычайных мер к замирению». Предполагалось, что для «замирения» Кабарды достаточно будет возвести несколько стратегических укреплений и, «вступая в сношение с некоторыми горскими народами от кабардинцев стесненными, содержать сих последних в совершенной зависимости» [1].

В то же время у военного командования сложилось весьма одностороннее представление о взаимоотношениях Кабарды с соседними этносами в высокогорной полосе Центрального Кавказа. С давних пор представители российской власти были осведомлены о том, что они выплачивают кабардинским князьям своеобразную дань за пользование равнинными пастбищами. На протяжении нескольких десятилетий, особенно с момента начала деятельности Осетинской Духовной комиссии, к командованию постоянно поступала информация о том, что народы высокогорья

притесняются кабардинскими князьями, что они «несут кабардинское иго с отвращением» [2; 222] и мечтают от него освободиться, что они хотят выселиться на плоскость, склонны к принятию христианства, российского подданства и т.п. Кажалось, что повод к таким выводам давали сами горские общества. В 70–80-е гг. XVIII в. они неоднократно просили принять их в подданство России. Значительная часть осетин и ингушей действительно выселилась на плоскость, расселившись вблизи российских укреплений. Все эти факты говорили в пользу того, что ингуши, осетины, карачаево-балкарцы, абазинцы поддерживают российскую армию в случае её вступления в Кабарду. Как полагал сам главнокомандующий, после выступления войск кабардинцы уже не смогут укрыться в горах, так как столкнутся с «неприятелью» «утесняемых ими жителей, которые, ободрены будучи не одним, как обыкновенно мгновенным, появлением войск наших, но их присутствием, пожелают отомстить им понесенные оскорбления» [3; 81]. За вступление в антикабардинский союз горским обществам были обещаны также различные льготы за счет «угнетателей», в том числе и наделение землей.

Были, правда, и другие мнения. Квинтэссенция их может быть выражена в следующей фразе (хотя и сформулированной несколько позднее описываемых событий – **прим. автора**): «Религия, одинаковый образ мыслей и одинаковые выгоды тесно связывали все малочисленные народы с кабардинцами. Они, вообще, хищничествовали с ними в наших границах» [4; 866], – утверждалось в «замечаниях» одного из российских военачальников. Но, как казалось, противоречившие объективной реальности эти мнения в расчет не принимались.

Между тем, дальнейшее развитие событий показало, что в оценке межэтнических отношений и глубины

социально-экономических противоречий в центрально-кавказском регионе военное командование допустило серьезные просчеты. Явно недооценивалось то обстоятельство, что народы Центрального Кавказа продолжали связывать кровные и квазиродственные узы, которые в условиях того времени оказывали существенное влияние на этнокультурные, политические, социальные и прочие отношения. С действиями российских властей было связано и ухудшение экономического положения в регионе, что существенно сказывалось не только на феодальной верхушке, но и на всех слоях населения. Кризис традиционной системы хозяйствования затронул не только Кабарду, но и её соседей. Российская экспансия нарушила традиционно сложившуюся систему экономических взаимоотношений и товарообмена. При всех своих недостатках эта система долгое время обеспечивала относительную стабильность в регионе, без чего невозможно успешное развитие хозяйства. К тому же во время карательных экспедиций и реквизиций в Кабарде нередко захватывался скот горских обществ, находившийся на плоскости. Да и в целом количество разбойничьих групп, промышлявших отгоном скота, заметно выросло.

Существенным образом на ситуации сказывалось также то обстоятельство, что на уровне этнической комплиментарности народы Центрального Кавказа продолжали воспринимать друг друга как «своих», а русских – еще как «чужих». Для того чтобы эти представления изменились, требовалось время.

Тем не менее, после определенного подготовительного этапа и мирных воззваний к оппозиционной части населения Центрального Кавказа, содержавших призывы прекратить сопротивление, выселиться из гор на плоскость и признать подданство империи, российским командованием в 1821 г. было

решено применить силовые меры к упорствующим. Создавались мобильные отряды, которые должны были, перехватив инициативу, совершать рейды по кабардинской территории, заставив её жителей больше думать о собственной защите, чем о нападении. Эти отряды, по сути, переняв горскую набеговую тактику, стали отгонять скот, истреблять или захватывать различное имущество, уничтожать «неблагонадежные» селения и т.п. Начались столкновения горских отрядов с частями ермоловской армии. К концу 1821 г. российское командование сформировало специальный отряд под командованием Ю.П. Кацырева, в задачи которого входило держать всю непокорную часть Центрального Кавказа, и прежде всего – Кабарду, в военном напряжении. Причем в инструкциях Ермолова, данных отряду Кацырева, предписывалось уделять главное внимание не боевым столкновениям, а операциям по максимальному подрыву хозяйственного потенциала оппозиционных России сил. Отряд Кацырева с боями перемещался по всей территории Кабарды, пытаясь заставить непокорную часть населения сложить оружие. Со своими боевыми задачами он, в целом, справился и создал необходимые условия для вступления в Кабарду основных российских сил. Последние под личным командованием Ермолова пересекли границы Большой Кабарды 22 мая 1822 г. Начался главный, заключительный этап покорения Кабарды.

Как известно, в основных чертах план Ермолова в Кабарде предусматривал следующее: переселение кабардинцев на плоскость под надзор укреплений, лишение их князей прежних «вольностей» и автономных прав, подчинение их напрямую российской администрации, хотя и с сохранением значительной доли внутреннего самоуправления в соответствии с народными обычаями и традициями. Кроме того,

план предусматривал переселение в плоскостные районы значительной части карачаево-балкарского и осетинского населения и строительство новых укреплений при подходе так называемых Черных гор, которые должны были отделить Кабарду от высокогорных районов и контролировать все входы и выходы из ущелий. Планировалось также укрепить пограничную линию по реке Кубань, чтобы воспрепятствовать любым формам общения и сотрудничества этнополитических групп Центрального Кавказа с кубанскими народностями. Соответственно, вступившие в Кабарду главные силы русской армии приступили к практической реализации поставленных задач. Военная фаза операции в регионе вступила в свою завершающую стадию.

В то же время в ходе военной кампании стали выявляться просчеты в оценке характера взаимоотношений Кабарды с соседними народами. Как уже упоминалось, российское командование было твердо убеждено в том, что другие этнополитические группы Центрального Кавказа, еще находившиеся якобы под «тиранической» властью кабардинских князей, ободренные вступлением войск в Большую Кабарду, непременно перейдут на сторону России и ударят по своим «притеснителям» с тыла. Однако в действительности ситуация стала складываться совсем не так, как представляли её себе российские военные. Кабардинцы, следуя традиционной тактике, отошли в горы и сохранили значительную часть своего материального и людского потенциала. Ожидавшегося по ним удара со стороны Карачая, Балкарии и Осетии не последовало. Наоборот, карачаевцы и балкарцы выступили союзниками Кабарды, оказывая ей различную помощь – гуманитарную, военную, тылового обеспечения и т.п.

Отсутствие силового давления на Кабарду с гор, отход кабардинцев

в высокогорные районы привело к тому, что российские войска были вынуждены совершать походы в труднодоступную местность, в границы горских обществ. Столкновения в горах и на плоскости происходили не только с кабардинцами, но и с карачаевцами, балкарцами, абазинами. Еще в декабре 1821 г. отряд майора Курилы, выполнявший поставленные перед ним боевые задачи на реке Куме, был атакован объединенными силами абазин, кабардинцев и карачаевцев [5; 94]. В обороне аула кабардинского князя Таусултана Атажукина в июне 1822 г. деятельное участие приняли жители Орусбиевского общества в Баксанском ущелье. Именно они обеспечили военное прикрытие кабардинского скота, перегонявшегося в горы, и, остановив наступление российского отряда, не дали его захватить [6; 97–98].

«Неправильная» позиция карачаево-балкарского населения начинала раздражать представителей российского командования. Прогнозируемых добровольных присяг на верноподданство государю императору от карачаево-балкарских обществ российское командование не добилося. От княжеской верхушки стали требовать аманатов (заложников), которые должны были обеспечить если не пророссийскую позицию, то хотя бы гарантировать нейтралитет. Впрочем, как выяснилось позже, аманаты, вытребованные от некоторых балкарских обществ (например, Чегемского – прим. автора) оказались, судя по всему, подложными, поскольку статус их семей не позволял им серьезно влиять на принятие решений местной политической элитой. Осознание этого обстоятельства, очевидно, и стало главной причиной того, что аманата Чегемского общества Эдигея Джаубермезова (Казиева) впоследствии было разрешено выкупить представителям британской колонии Каррас под Пятигорском. Впоследствии он выехал в Ев-

ропу, откуда вернулся в 1838 г. на Кавказ под новым именем (Андрей Хай) и, видимо, в качестве агента английской разведки [7; 8]. Но это уже другая история.

Одним из самых стабильных и последовательных союзников Кабарды в годы пребывания Ермолова в должности главнокомандующего на Кавказе оставался Карачай. За всестороннюю поддержку кабардинцев карачаевцы были фактически объявлены проконсулом Кавказа врагом номер два в центрально-кавказском регионе. В соответствии с приказом Ермолова от 30 июля 1822 г. всех встреченных российскими отрядами карачаевцев следовало истреблять [8; 459].

На некоторое время Карачай стал также главным прибежищем для основных антироссийских сил Кабарды и своеобразным мостом, по которому осуществлялась миграция всех антироссийски настроенных сил Центрального Кавказа в неконтролируемые Россией районы левобережья Кубани (Закубанье). (Река Кубань до 1829 г. считалась официальной границей между Россией и Османской империей на Северном Кавказе – прим. автора). Дело в том, что, стараясь не допустить активизации переселенческого процесса с территории Центрального Кавказа в Закубанье, что, естественным образом, усиливало позиции османов, российские войска довольно оперативно перекрыли основные пути, связывавшие оба региона в предгорьях и на равнинах, выставив дополнительные посты и значительно усилив охрану правового берега реки Кубань. Это привело к тому, что основной поток беженцев и политических эмигрантов из Кабарды и других регионов Центрального Кавказа пошел через Карачай, где им оказывалась сильная помощь. Этот переселенческий процесс в период ермоловской военной операции, несмотря на все усилия командования, принял довольно массовый характер, особен-

но в Кабарде. Но миграция затронула и соседние этносы. Например, в Закубанье переселилось при содействии карачаевцев несколько балкарских князей (таубиев) с подвластным населением [9; 85].

Учитывая все эти обстоятельства, российское командование в 1822 г., уже после завершения основной фазы военной операции, непосредственно на территории Кабарды попыталось организовать отдельную военную экспедицию для покорения карачаевцев. Эту экспедицию можно считать одной из самых загадочных в списке военных мероприятий российского командования в регионе. Дело в том, что в известных нам на сегодняшний день официальных документах сведения о ней вообще замалчиваются. Информация о том, что отряд под командованием полковника Подпрядова все-таки выступил на покорение Карачая в 1822 г., содержится в прошениях потомков горцев-проводников, находившихся при этом подразделении [10; 101]. Но боевую задачу по неизвестным причинам Подпрядову выполнить не удалось [11; 98]. Поскольку этот поход не находит каких-либо аналогий в карачаевском фольклоре, то логично предположить, что полковник со вверенным ему отрядом не стал углубляться в высокогорные районы, в результате чего до серьезного боевого столкновения дело не дошло. Возможно, что Подпрядов буквально выполнил распоряжение Ермолова, предписывавшего совершать в сторону карачаевских земель лишь «движения, но с большой осторожностью и отнюдь далеко не вдаваясь», собирать сведения о том, «где в позднюю осень и где в зимнее время будут их стада скота и баранов» и где «лучшие идущие к ним дороги» [12; 459].

Так или иначе, но задача покорения карачаевцев военным командованием в ермоловский период не была выполнена. Карачаевское княжество в описываемое время сохра-

нило самостоятельность, причем стечение различных обстоятельств привело к тому, что этот край последним из этнополитических образований Центрального Кавказа вошел в российское политико-правовое пространство. (Военную экспедицию, направленную на покорение Карачая, увенчавшуюся успехом и закончившуюся первой присягой на верноподданство, командование смогло организовать только в 1828 г. – прим. автора).

После окончания активной фазы военной кампании в центрально-кавказском регионе карачаево-балкарское население проявило консервативность и строптивость также в другом вопросе – переселенческом. Дело в том, что после возведения новой Кабардинской линии, проходившей «по подошвам так называемых Черных гор, от Владикавказа до верховий Кубани, состоя из пяти главных укреплений, расположенных при выходах из горных ущелий рек: Баксана, Чегема, Нальчика, Череха и Уруха, и из многочисленных промежуточных постов» все кабардинское население переселялось на плоскость и отрезалось ею как «от гор, так и от Закубанья и вынуждалось покинуть самую мысль о враждебных отношениях к России» [13; 375]. К линии новых укреплений планировалось активно переселять также некабардинское население высокогорных районов. Этому вопросу российское командование уделяло особое внимание. Переселение из высокогорных районов на плоскость, в принципе, отвечало как военным, экономическим, стратегическим и прочим интересам российской администрации, так и хозяйственным запросам горцев. Вместе с тем, массовое заселение плоскостных районов, то есть территорий, подконтрольных в прошлом кабардинским феодалам, переселенцами из горских обществ не могло не породить между первыми и вторыми определенных тре-

ний. Наличие же противоречий по такому болезненному вопросу как земельно-территориальный было для российских властей неплохой гарантией того, что обе стороны будут заинтересованы в их посреднических, «миротворческих» услугах и никогда не выступят против империи единым фронтом. Поэтому вслед за ингушскими и осетинскими обществами российская администрация пыталась активизировать переселенческий процесс и в других районах.

Однако в случае с Карачаем и Балкарией он не получил своего дальнейшего развития. Население карачаево-балкарских обществ мигрировать с гор на равнину отказалось. По имеющимся на сегодняшний день данным, известен только один факт обращения к российскому командованию от карачаево-балкарских феодальных кругов с ходатайством дать разрешение на переселение. Согласно сведениям, содержащимся в одном из документов, согласие в 1822 г. выразил «абазинский владетель Уруспилов» [14; 459]. Как известно, у абазин не существовало такой фамилии. Поэтому речь в данном случае идет, по-видимому, о князьях Баксанского общества – Орусбиевых (Урусбиевых). Внутри этого княжеского дома еще со второй половины XVIII в. происходили феодальные распри, не раз приводившие к переселению отдельных представителей этого клана с частью зависимого населения в другие районы. Очередная попытка была, очевидно, предпринята в 1822 г., когда один из представителей рода Орусбиевых официально обратился с ходатайством к российскому командованию. При этом определяющим фактором этнической принадлежности в данном случае стало, по-видимому, происхождение матери. (Родственные связи между Орусбиевыми и абазинскими феодалами имели место и отмечены в ряде исследований – прим. автора [15; 60]). Но «этни-

ческая ошибка», в итоге, сыграла главную роль в том, что ходатайство «Уруспилова» было отклонено Ермоловым, который не разрешал абазинам селиться на правом берегу реки Кубани.

Отказ карачаево-балкарцев от переселения на равнину был негативно воспринят в кругах российского командования, в том числе лично Ермоловым, который не исключал применения военно-репрессивных мер для принудительного вывода населения из гор. Так, согласно воспоминаниям офицера Э.В. Бриммера, в июне 1822 г. в ходе военных операций на Центральном Кавказе, во время одного из привалов с великолепным видом на Эльбрус, Ермолов приказал «проводнику указать, где живут карачаевцы. Когда проводник прибавил, что у них много-много баранов, то Ермолов, обернувшись к генерал-майору Сталю, командовавшему войсками на Кавказской линии, сказал: «Я уверен, ваше превосходительство, что вы их посетите, если они будут продолжать разбойничать и не захотят выселиться» [16; 112-113]. Впрочем, до подобных эксцессов дело не дошло, хотя после завершения военной фазы операции в Кабарде и ее включения в российское военно-политическое пространство отношения между карачаево-балкарскими княжествами и имперскими структурами продолжали развиваться сложно.

Например, в Чегеме в 1826 г., по прошествии четырех лет после ермоловской операции, в регионе только часть общества считалась лояльно настроенной по отношению к России. «Другая же, столь же сильная, находилась не под зависимостью нашею (русской) – прим. автора), приставшая к одному старшине (князю – прим. автора) Кучуку Коншавову, который, имея тесную связь с карачаевцами, заграничными жителями, часто допускал закубанцев проходить чрез свои земли и доставлял способ им делать набеги в Кабарде...» [17].

Тем не менее, балкарские княжества стали постепенно склоняться к идее о нормализации отношений с российскими властями. К этому подталкивали экономические интересы, подавляющее военное превосходство империи, да и прагматизм самого Ермолова, не поощрявшего резкого вмешательства во внутреннюю жизнь традиционных обществ в труднодоступных и фактически неконтролируемых высокогорных районах, если они демонстрировали хотя бы внешнюю лояльность к империи. Достаточно широко известен, например, тот факт, что главнокомандующий не только безапелляционно отказался поддержать на уровне официальных властей империи усилия церкви по христианизации Балкарии и Ингушетии, но и фактически запретил священникам вмешиваться во внутренние дела горцев, отметив, что «просвещение народов сих светом Евангелия надобно предоставить до времени особенной благодати божией» [18; 425]. В итоге, все вышеизложенные обстоятельства привели к добровольному оформлению присяг представителями всех балкарских княжеств и Дигорского общества Осетии на верность его императорскому величеству в январе 1827 г. Правда, это произошло после того, как Ермолов был фактически отстранен от реального командования Кавказским корпусом. Поэтому все «благоволения» из столицы достались новому назначенцу на эту должность И. Паскевичу, а также вновь прибывшему для прохождения службы на Кавказе командующему войсками на Кавказской линии и Черномории Г. Эмануэлю.

По другому сценарию развивались события вокруг Карачая. Военные стычки между карачаевцами и воинскими формированиями российской армии, имевшие место в 1821–1822 гг., продолжились и после покорения Кабарды. Они сопровождалась взаимным отгоном скота, реквизициями друго-

го имущества и приняли довольно регулярный характер. Например, в ноябре 1823 года, казаками полковника Победнова с карачаевских кошей было угнано около 1000 баранов [19; 424]; в 1824 году карачаевцы участвовали в столкновении с российским отрядом в районе рек Малого и Большого Зеленчуков, участвуя в защите абазинских селений князей Дударуковых [20]; в том же году масштабный набег из Закубанья в Кабарду окончился для горского отряда удачно только благодаря участию и содействию населения Карачая [21; 473–479] и т.д. Карачаевская аристократия вообще регулярно пропускала через свою территорию различные «хищнические партии», направлявшиеся из Закубанья в Кабарду и другие районы, контролировавшиеся российскими властями, так как получала за это третью часть от всего захваченного ими имущества [22].

Сохранение напряженности привело к усилению проосманской ориентации местной политической элиты. Представители княжеской династии Крымшамхаловых в 1826 г. прибыли в турецкую крепость Анапу, являющуюся на тот момент форпостом Блистательной Порты на Северо-Западном Кавказе, где присягнули на верность османскому султану, выдали в залог верности аманата и получили признание своего привилегированного статуса в обществе со стороны турецких властей. В Карачай из Анапы был отправлен новый кадий, что должно было закрепить вновь обретенный статус этого региона и подчеркнуть, что на него не распространяется юрисдикция России [23; 103]. Интересно, что острая, хотя и безрезультатная, дипломатическая переписка по этому поводу между новым командующим Кавказской линией Г.А. Эмануэлем и анапским сановником Хаджи-Хасан Чечен-оглы произошла только в 1827 г., когда Ермолов уже был отстранен от своей должности. Сам

же «проконсул Кавказа» не только оставил без внимания проосманский демарш со стороны Карачая, но и санкционировал подписанный 26 июня 1826 г. полковником Чавчавадзе с представителями карачаевской аристократии своеобразный «договор о нейтралитете», фактически подтверждавший расположение Карачая вне границ российского государства. Суть соглашения заключалась в том, что карачаевцы обязывались прекратить все неприязненные действия по отношению к России, не принимать к себе никого из непокорных закубанских горцев или «беглых» кабардинцев, не снабжать их продовольствием, а тех, кто находился в их владениях, немедленно изгнать. Российские власти со своей стороны разрешили карачаевцам проезжать в границы империи по торговым делам и «пасту стада своего скота на низменных местах» [24].

Этот договор завершил историю взаимодействия карачаево-балкарцев с военными и гражданскими структурами Российской империи в «ермоловский период».

Через пару месяцев Ермолов был фактически отстранен от командования войсками, а в марте 1827 г. – отозван в Россию.

Таким образом, период еромоловского управления на Кавказе оказал огромное влияние на дальнейшее развитие карачаево-балкарского этноса и во многом предопределил его вхождение в состав России. Однако интеграция Карачая и Балкарии в состав российского государства оказалась не такой простой и безболезненной, как это представлялось кавказскому начальству и самому главнокомандующему, и проходила более сложно, чем присоединение ряда других соседних горских обществ, обладавших сходной социальной организацией, структурой управления, хозяйственной жизни и т.п. К тому же присоединение карачаево-балкарских княжеств к России, совокупностью изложенных выше причин и обстоятельств, не было оформлено при Ермолове ни де-юре, ни де-факто. Эта задача была решена уже другими представителями российского командования на Кавказе.

Примечания:

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Оп. 16. Т. 2. Д. 6209. Л. 3об-4.
2. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2.
3. Цит. по: Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов: очерки истории. Нальчик, 1993.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1878. Т. VII.
5. Зубов П.Г. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800-го по 1834 г. // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001.
6. Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1894. Т. XV.
7. См.: Бегеулов Р.М. Эдигей Казиев: заложник, шпион, дипломат // Вести гор. 2006. 26.09–2.10.
8. АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI, ч. 2.
9. См.: например: Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 41. Л. 19; Документы по истории Балкарии (40-90-е гг. XIX в.). Нальчик, 1959.
10. Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов. Очерки истории. Нальчик, 1993.
11. См.: Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск, 2002.
12. АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI, ч. 2. С. 459.

13. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Ставрополь, 1994. Т. 2: Ермоловское время.
14. АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI, ч. 2.
15. См., например: Барзбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. Нальчик, 2000.
16. Бриммер Э.В. Указ. соч.
17. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФАРАН). Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 3об.
18. АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI, ч. 1.
19. Потто В.А. Указ. соч.
20. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 135. Л. 99.
21. Потто В.А. Указ. соч.
22. СПФАРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 8об.
23. Бегулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск, 2002.
24. РГВИА.Ф. 14719. Оп. 3. Д. 8. Л. 1-3об.

References:

1. The Russian State Military and Historical Archive (RGVIA). F. VUA. L. 16. V. 2. D.6209. L. zob-4.
2. Bronevsky S.M.Latest geographical and historical news from the Caucasus. M., 1823. Part 2.
3. Sited by Beytuganov S.N. Kabarda and Yermolov: Historical essays. Nalchik, 1993.
4. Acts collected by the Caucasian Archeographical Commission (ACAC). Tiflis, 1878. Vol. VII.
5. Zubov P.G. The exploits of Russian warriors in the Caucasus from 1800 till 1834 // Russian authors of the XIX century on the peoples of Central and North-Western Caucasus. Nalchik, 2001.
6. Brimmer E.V. Service of an artillery officer who was raised in the 1st Cadet Corp, and and who finished it in 1815 // Caucasian collection. Tbilisi, 1894. Vol. XV.
7. See Begeulov R.M. Edigey Kaziev: hostage, spy, diplomat // Mountains news. 2006. 26.09–2.10.
8. ACAC. Tiflis, 1875. Vol. VI. Part 2.
9. See eg.: Central State Archive of the Kabardino-Balkaria Republic (CGA KBR). F. 16. L. 1. D. 41. L. 19; Documents on the history of Balkaria (40–90-ies., XIX century.). Nalchik, 1959.
10. Beytuganov S.N. Kabarda and Yermolov. Sketches of history. Nalchik, 1993.
11. See Begeulov R.M. Karachai in the Caucasian war of the XIX century. Cherkessk, 2002.
12. АКАК. Tbilisi, 1875. Vol. VI. Part 2. P. 459.
13. Potto V.A. Caucasian war: 5 vol. Stavropol, 1994. V. 2.: Time of Yermolov.
14. АКАК. Tbilisi, 1875. Т. VI. Part 2.
15. See, example: Barazbiev M.I. Ethno-cultural ties of Balkar and Karachay with the peoples of the Caucasus in XVIII – the beginning of XX century. Nalchik, 2000.
16. Brimmer E.V. Decree. 1.
17. St.Petersburg branch of the RAN archives (SPFARAN). F. 32. L. 1. D. 63. L. 3ob.
18. АКАК. Tbilisi, 1874. Т. VI. Part 1.
19. Potto V.A. Decree. L.
20. RGVIA. F. 482. L. 1. D. 135. L. 99.
21. Potto V.A. Decree. L.
22. SPFARAN. F. 32. L. 1. D. 63. L. 8ob.
23. Begeulov R.M. Karachai in the Caucasian war of the XIX century. Cherkessk, 2002.
24. RGVIA.F. 14719. L. 3. D. 8. L. 1–3ob.